

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ И ТЕКСТОВ ВЫСТУПЛЕНИЙ Б. ПИСТОРИУСА)

С.С. Степанов

Ключевые слова: социальные репрезентации, этнический образ, «свой / чужой», ценности, этнолингвистическая аксиология, военно-политический дискурс

Keywords: social representations, ethnic image, “in-group / out-group”, values, ethno-linguistic axiology, military-political discourse

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)2–04](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)2–04)

Введение
В современной науке наблюдается устойчивый исследовательский интерес к механизмам коллективного осмысления социальных явлений и культурной специфике этих процессов, в частности, к их фактической реализации в языке. Особенно остро данная проблематика встает в условиях растущей международной турбулентности, когда вопросы этнической идентичности, ценностных ориентиров и образов «своего» и «чужого» в медиа становятся предметом целенаправленного символического конструирования с целью модификации аксиологической картины мира потребителей информации. В рамках данной научной дискуссии настоящее исследование предлагает комплексный анализ взаимосвязи понятий «этнос», «ценности», «образ» и «социальные репрезентации», выявляет их динамику в современном германоязычном военно-политическом дискурсе.

Актуальность исследования определяется тремя взаимодополняющими факторами. Во-первых, трансформация глобальной информационной среды, сопровождающаяся кризисом достоверности и значительной, доходящей до полярно-противоположных взглядов разницей в интерпретации поступающей информации, усиливает значимость изучения тех лингвистических и прагматических инструментов, посредством которых формируются представления о конфликтах и консолидируются или, напротив, разрушаются ценностные системы отдельных этносов. Во-вторых, нарастающее геополитическое напряжение между Россией и западными странами радикально трансформирует традиционные образы *русского* и *немца* в массовом сознании европейцев,

что требует историко-сравнительного осмысления. В-третьих, смещение акцента германской оборонной риторики к модели «ответственной безопасности» открывает новое поле для междисциплинарного анализа социальных репрезентаций.

Научная новизна исследования проявляется в нескольких аспектах:

1) разработка и апробация комплексного теоретико-методологического подхода к анализу этнических образов, основанного на интеграции положений теории социальных представлений С. Московичи [Moscovici, 2000], модели in-group / out-group А. Тэшфел [Tajfel, 1982; Тэшфел, 2012] и инструментария этнолингвистической аксиологии, позволяют осуществлять всестороннее описание когнитивной, оценочной и языковой составляющих этнических образов;

2) автор вводит в научный оборот корпус эмпирических данных, включающий тексты из немецких газет разных исторических периодов и фрагменты из ряда программных выступлений министра обороны ФРГ Б. Писториуса (2023–2024 гг.), что обеспечивает необходимую и достаточную основу для анализа динамики социальной репрезентации медийных образов *русского и немца*;

3) применен индекс ценностной значимости лексем, соотнесенный с базовыми аксиологическими полями, что дает возможность проследить изменения в структуре ценностных характеристик этнических образов.

Материалы и методы

Материалом настоящего исследования послужили тексты газетных статей, опубликованных в Германии в различные периоды (1914, 1939, 1991, 2023 гг.), и стенограммы публичных выступлений министра обороны Федеративной Республики Германия Бориса Писториуса (2023–2025 гг.)¹.

Методологическая основа исследования опирается на комбинацию качественных и количественных методов и включает в себя:

— сравнительный анализ текстов различных хронологических периодов;

— контент-анализ публичных речей с выделением лексико-семантических маркеров *угрозы, ответственности, надежности*.

Указанный междисциплинарный подход обеспечивает целостное описание процессов формирования, воспроизводства и трансфор-

¹ Выступления взяты с ресурса YouTube. Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

мации социальных репрезентаций в пространстве немецкоязычного общественно-политического дискурса.

Структурно исследование включает четыре блока: теоретическую реконструкцию понятийного поля «этнос — ценности — образ — социальные репрезентации», сравнительно-исторический обзор газетных статей, прагмалингвистический анализ речей Б. Писториуса и синтетический раздел, в котором сопоставляются исторические и современные дискурсивные практики. Подобный подход позволяет не только выявить разрывы в ценностно-образных комплексах, но и показать, каким образом актуальная риторика немецких политиков перенастраивает традиционные этнические нарративы на новый ценностный ориентир так называемой «защитной ответственности», закрепляя роль Германии как «щита Европы».

Результаты исследования

В отличие от ряда смежных понятий, трактовка феномена социальных репрезентаций в современной гуманитарной науке не вызывает принципиальных разногласий. В научной традиции, восходящей к работам С. Московичи [Moscovici, 2000], социальные репрезентации понимаются как коллективно разделяемые когнитивные конструкции, возникающие в сознании членов социальной группы и выполняющие функцию упрощения, интерпретации и осмысления социальной реальности [Степанов, 2025, с. 118].

Понятие «этнос», в свою очередь, относится к числу дискуссионных и многозначных категорий гуманитарного знания. В научной литературе отсутствует единая универсальная дефиниция этноса, что обусловлено различиями методологических подходов и исследовательских традиций. Рассмотрим ряд определений с целью выявления характеристик этноса, релевантных для настоящего исследования.

«Этнос — исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (автоэтнонимом)» [Кожемякина, 2006, с. 252].

«Этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными чертами культуры (в том числе языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самосознании (этнониме)»².

² Словарь этнологических терминов. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5419>

По мнению Ю.В. Бромлей: «Этнос — это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры и психики, а также осознанием своего единства и отличия от других подобных образований, что зафиксировано в самосознании» [Бромлей, 2020, с. 34].

Л.Н. Гумилев определяет этнос как «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующих как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности» [Гумилев, 2012, с. 8].

А.И. Бочкарев считает, что «этнос — это устойчивая группа людей, характеризующаяся общностью расовых признаков, языка, территории зарождения, особенностями быта, культуры, общим национальным и религиозным сознанием» [Бочкарев, 2015, с. 3].

Несмотря на различия в теоретических основаниях приведенных определений, в них прослеживается содержательное единство. Этнос во всех рассмотренных подходах понимается как устойчивая социальная общность, обладающая коллективным самосознанием, осознанием своей отличительности по отношению к другим группам, а также закрепленной системой культурных характеристик. К числу таких характеристик относятся общие исторические представления, формы социальной организации, язык, традиции и ценности, обеспечивающие воспроизводство этноса во времени.

В ряде исследований среди ключевых характеристик этноса особое место отводится культуре как интегративному фактору, включающему систему материальных и социальных ценностей. Так, Е.А. Бирюкова считает, что именно ценностный компонент культуры обеспечивает устойчивость этнического сообщества и воспроизводство его идентичности во времени [Бирюкова, 2016, с. 132].

Современные исследователи подчеркивают, что духовные ценности — это атомарные составляющие наиболее глубинного слоя всей целостной структуры личности, в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания — обладания (аспект настоящего) и хранения своего «достояния» в душе и сердце (аспект прошедшего). Ценность — нечто значимое, должное, нормативное, регулиру-

емое, направляющее деятельность и отражающее эмоциональное отношение человека к миру, природе, социуму [Скуднава, 2019, с. 304].

Материальные ценности представляют собой предметный мир культуры, воплощенный в артефактах, символах, объектах быта и исторического наследия, тогда как социальные ценности выражают нормативные представления о должном, значимом и предпочтительном в рамках данного сообщества. При этом материальные ценности приобретают культурную значимость именно через систему социальных ценностей, которые определяют их символическое и оценочное содержание.

В рамках настоящего исследования приоритетное значение имеют именно социальные ценности, поскольку они непосредственно участвуют в формировании образов, оценок и интерпретаций социальной реальности, закрепляющихся в социальных репрезентациях. Социальные ценности задают нормативно-оценочную основу коллективного сознания, определяют способы восприятия «своего» и «чужого» и тем самым выступают связующим звеном между этносом, образом и социальной репрезентацией.

Исходя из вышесказанного, представляется возможным резюмировать ряд положений, раскрывающих сущность аксиологического аспекта в контексте изучения этнических особенностей социальных репрезентаций.

Во-первых, ценностные ориентиры этнического сообщества выступают своеобразным «фильтром» восприятия реальности: они определяют, какие именно явления и события признаются значимыми и заслуживающими внимания, какие — несущественными или противоречащими «своему» образу жизни. Закljučаем, что ценности задают внутреннюю логику реакции на внешние факторы: экономические перемены, политические вызовы, культурные особенности этноса.

Во-вторых, ценности не являются статичным феноменом — они подвержены трансформациям под воздействием различных обстоятельств. Важно учитывать то, что правящие элиты способны влиять на «массовые ценности». Влияние может осуществляться через контроль над институтами образования и культуры, средствами массовой информации и коммуникации, посредством символических действий, формирующих образы настоящего и будущего и, следовательно, корректирующих мировоззрение и поведенческие нормы представителей определенного этноса.

В-третьих, в силу того что ценности лежат в глубинном слое структуры личности, изменение ценностных ориентиров этнической общности происходит не одномоментно. Даже при активном воздействии

извне на аксиологическое ядро этноса подобные сдвиги требуют времени и устойчивых каналов трансляции новых идей и установок. Однако при длительном воздействии — целенаправленном или стихийном — система ценностей все же может сдвигаться в сторону, удобную и выгодную определенным политическим или социальным силам. Историческим подтверждением данного положения может служить политика национал-социалистического режима в Германии, в рамках которой посредством контроля над системой образования, массовой культуры, пропаганды и символического дискурса последовательно формировалась новая ценностная картина мира, закреплявшая оппозицию «свой — чужой» и нормализующая исключение и дегуманизацию внешних групп в массовом сознании.

Таким образом, основные ценностные ориентиры этноса обладают двумя признаками:

- отражают специфическое восприятие реальности и формируют коллективное представление о «правильном» и «значимом»;
- подвержены изменениям под внешним воздействием, поскольку элиты, заинтересованные в определенном характере массовых установок, могут целенаправленно влиять на коллективное сознание через подчиненные им институты и механизмы.

В целом это означает, что, с одной стороны, этнические ценности — важнейший элемент самосознания представителей этноса, а с другой — динамичная сфера, в которой сходятся интересы самой этнической общности и тех сил, которые стремятся на нее воздействовать.

Другим значимым элементом, через который находит свое выражение социальная реальность, предстает *образ* как одна из основополагающих категорий современного гуманитарного знания. Образ составляет предмет когнитивных, лингвокультурологических, дискурсивных, социо-, психо- и этнолингвистических исследований, в которых уделяется внимание различным его аспектам [Ягодина, 2022, с. 37]. Во многих исследованиях образ предстает как субъективный феномен, сформированный в результате отражения реального мира как многомерное структурное образование, отражающее различные стороны объектов, их связи друг с другом и отношение к ним со стороны субъекта [Князева, 2020; Мальцева, 2019, 2020].

Исследователи отмечают, что *образ*, являясь категорией языкового сознания, передает те признаки реалий мира, которые оказываются значимыми и необходимыми в процессе коммуникации. Будучи сформированным в языковом сознании личности, образ актуализируется в совокупности «вербальных средств, которые обозначают один и тот же

денотат» [Алефиренко, 2013]. Языковой образ — это «объективация посредством языка (языковых знаков и их комбинаций) знаний, представлений, мнений об этой реалии» [Никитина, 2011, с. 98]. По мнению В. Н. Телия, языковой образ аккумулирует знания, представления о мире и напрямую связан с материальной и духовной культурой языкового сообщества, что обуславливает трансляцию национальных традиций и передачу опыта народа [Телия, 1996, с. 225]. Схожее мнение выражает Н.А. Лукьянова, рассматривающая образ как объемное представление о некоторой реалии, «которое бессознательно или осознанно возникает в ментальном пространстве носителей данного языка и данной культуры» [Лукьянова, 2003, с. 169] и определяет *языковой образ* как переданный языковыми средствами психический образ.

Резюмируя представленные точки зрения исследователей, приходим к выводу, что *образ*, будучи отражением социально значимой информации, представляет собой один из ключевых механизмов осмысления действительности, а также коммуникации внутри и между этническими общностями. Его многогранность и универсальность делают его предметом исследования целого ряда научных дисциплин, каждая из которых рассматривает образ под своим углом зрения.

С когнитивной точки зрения, образ формируется в процессе восприятия и обработки информации, позволяя человеку структурировать и упорядочивать опыт. Здесь важен вопрос о том, каким образом отдельные чувственные, эмоциональные и интеллектуальные элементы складываются в целостную «картину мира», которая определяет индивидуальное и коллективное восприятие реальности.

Лингвокультурологические исследования акцентируют внимание на языковой стороне образа, рассматривая его как результат взаимодействия языка и культуры. В языке закрепляются культурные коды, стереотипные представления и ценностные установки, которые отражаются в том, как люди описывают себя, других и окружающий мир. Языковые средства помогают закреплять в сознании определенные образы и передавать их из поколения в поколение.

Дискурсивный подход подчеркивает роль образа в процессе коммуникации. Любой дискурс (политический, медийный, научный, художественный) создает, транслирует и поддерживает определенные образы, зачастую служащие инструментом влияния на общественные настроения и формирование массовых установок. При этом в фокусе исследования оказываются не только смысловые аспекты, но и способы риторической, эмоциональной и идеологической обработки образов.

Социолингвистические исследования рассматривают образ в контексте групповой идентичности, межэтнического и социокультурного взаимодействия. Образы могут быть маркерами социальной принадлежности, символами статуса и признания, они также способны вызывать конфликты или, напротив, способствовать диалогу между представителями разных сообществ.

Психолингвистический ракурс позволяет глубже понять индивидуальные и коллективные процессы восприятия и интерпретации образов. Здесь ученых интересует то, как внутренние психологические особенности — эмоции, мотивация, ценности — влияют на формирование образов у человека или группы при столкновении с внешним миром и чужой культурой.

Наконец, этнолингвистические исследования подчеркивают связь образа с этническими традициями, верованиями и ритуалами, позволяя проследить специфику формирования образов внутри конкретного этноса. В этом контексте образ не просто отражает реальность, но и служит культурной «матрицей», через призму которой формируется уникальный опыт данного сообщества, воспроизводящий и закрепляющий его историческое и современное самосознание.

Так, образ выступает важнейшей категорией, позволяющей выявлять, как именно социальная реальность конструируется, интерпретируется и транслируется различными группами людей. Его многоуровневое изучение открывает широкие возможности для понимания процессов этнического, культурного и социального взаимодействия, а также для анализа механизмов влияния на коллективное сознание.

Для обеспечения полноты анализа и повышения междисциплинарной обоснованности целесообразно упомянуть два взаимодополняющих подхода: теорию социальных категорий А. Тэшфела и этнолингвистическую аксиологию.

1. Теория социальных категорий А. Тэшфела

Рассматривая этнические ценности и связанные с ними образы, важно задействовать модель *in-group / out-group*, сформулированную в рамках теории социальной идентичности [Tajfel, 1982; Тэшфел 2012]. Применение этой теории позволяет:

- уточнить критерии отнесения образов к «своим» или «чужим»;
- выстроить матрицу «категория — оценочный маркер — частотность», выявляя, какие лексемы позитивной и негативной окраски систематически закрепляются за каждой группой;
- проследить динамику смещения границ *in-group* в зависимости от типа медиаресурса и тематического контекста.

2. Этнолингвистическая аксиология

Данный подход предусматривает:

- выделение ядра «ценностных лексем» в корпусе;
- их распределение по базовым аксиологическим категориям;
- расчет «индекса ценностной значимости» для каждой этнической группы [Шайхиева, 2017; Караулов, 2010; Маслова 2018].

На основании проанализированных положений делаем комплексный вывод о неразрывной связи между системой ценностей и образами, с одной стороны, и социальными репрезентациями — с другой. Во-первых, ценности, будучи глубинным пластом культуры, непосредственно влияют на формирование и трансляцию тех образов, которые разделяются представителями этнической общности. Поскольку ценностные ориентиры задают некий «фильтр» восприятия действительности, именно они определяют, какие аспекты окружающего мира получают символическую значимость, а какие смещены на второй план. Образы, в свою очередь, конструируются на основе выделенных ценностями смысловых акцентов и передаются через язык, обычаи, ритуалы и другие элементы культуры, становясь основными «строительными блоками» для социальных репрезентаций.

Во-вторых, социальные репрезентации, понимаемые как коллективно разделяемые и воспроизводимые когнитивные конструкции, призванные упрощать и интерпретировать социальную реальность, включают в себя и закрепленные в культурно-языковом пространстве образы. Подобная интеграция образов в социальные репрезентации обуславливает характерные для определенной этнической группы способы восприятия себя и мира, особенности коммуникации внутри группы и с представителями других этносов. Так как социальные репрезентации формируются и закрепляются на уровне коллективного сознания, они становятся механизмом, который обеспечивает воспроизводство аксиологических установок, поддерживая или трансформируя принятые в этносе образы и, соответственно, взгляды на мир.

В-третьих, и ценности, и образы, как ключевые элементы социального восприятия, не являются статичными: они могут намеренно или неосознанно корректироваться в зависимости от политических и социально-экономических обстоятельств, интересов власти и элит. Однако даже при внешнем воздействии трансформация ценностных конструктов и связанных с ними образов происходит постепенно, так как они затрагивают глубинные пласты коллективной и индивидуальной психики. Это, в свою очередь, отражается на эволюции социаль-

ных репрезентаций: они либо приобретают новые черты, либо закрепляются в прежнем виде, если внешние факторы не оказывают достаточного влияния или наталкиваются на мощные внутренние механизмы сопротивления.

Таким образом, социальные репрезентации оказываются тесно переплетенными с системой ценностей и образами: ценности задают общее направление восприятия, образы выполняют роль «каналов» передачи смыслов, а социальные репрезентации формируют коллективную интерпретацию действительности. Рассмотрение этой триады в контексте этнической специфики дает возможность более глубокого понимания процессов конструирования, воспроизводства и изменения представлений о мире, в том числе способы формирования групповой идентичности, культуры и общественных настроений.

В целях прослеживания динамики этнических социальных репрезентаций представляется продуктивным обратиться к материалам немецких газет, фиксирующих представление о собственном народе и об «ином». В качестве ключевых исторических периодов выбраны переломные годы германской и европейской истории — 1914, 1945, 1991 и 2023 гг. (см. табл.).

Динамика этнических социальных репрезентаций

Период и издание	Характеристики образа <i>русского</i>	Характеристики образа <i>немца</i>	Доминирующие ценности
1914 — Berliner Tageblatt (начало Первой мировой войны) ³	Russland ist ein Koloss auf tönernen Füßen. / Россия — это колосс на глиняных ногах. Der russische Koloss mag stark scheinen, doch er ist innerlich schwach und unbeweglich. / Российский колосс может казаться сильным, но внутри он слаб и неповоротлив	Deutschland verteidigt die Kultur gegen den Ansturm der Barbarei. / Германия защищает культуру от натиска варварства	Культурная миссия, оборонительный патриотизм, цивилизационная оппозиция

³ Berliner Tageblatt. 1914. Nr. 210 (vom 6. August).

Окончание таблицы

Период и издание	Характеристики образа <i>русского</i>	Характеристики образа <i>немца</i>	Доминирующие ценности
1939 — Völkischer Beobachter (пик нацистской пропаганды) ⁴	Der Bolschewismus aus dem Osten bleibt die größte Gefahr für das Herz Europas. / Большевизм с Востока остается величайшей угрозой для сердца Европы	Der deutsche Mensch steht im Dienst des neuen Europas, kämpft für Ordnung, Blut und Boden. / Немец служит новому европейскому порядку, борется за порядок, кровь и почву	Идеология расовой миссии, героизация, антибольшевистский дискурс
1991 — Frankfurter Allgemeine Zeitung (после объединения Германии) ⁵	Russland kehrt nach dem Zerfall der Sowjetunion in die Familie der europäischen Nationen zurück. / Россия после распада СССР возвращается в семью европейских наций	Ein vereintes Deutschland soll Partner und Vermittler im neuen Europa sein. / Объединенная Германия должна стать партнером и посредником в новой Европе	Европейское сотрудничество, интеграция, историческое примирение
2023 — Süddeutsche Zeitung (текущая политическая социализация) ⁶	Russland ist zur autoritären Macht geworden, die ihre eigene Geschichte als Waffe einsetzt. / Россия превратилась в авторитарную державу, использующую собственную историю как оружие	Deutschland versteht sich heute als verlässlicher Partner — ein Schutzschild für Freiheit und Recht in Europa. / Германия сегодня осознает себя надежным партнером — щитом свободы и права в Европе	Либерально-демократические ценности, ответственность, защитная миссия

Исходя из примеров, приведенных в сводной сравнительной таблице, становится понятно, что с течением времени ценностные ориентиры теряли и обретали определенные характеристики. Так, с одной стороны, исчезли расовая риторика, романтизированный милитаризм, бинарное

⁴ Völkischer Beobachter. 1939. Nr. 253 (vom 15. September).

⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1991. Nr. 302 (vom 27. Dezember).

⁶ Süddeutsche Zeitung. 2023. 24. Februar. Электронный ресурс <https://www.sueddeutsche.de/politik/russland-europa-analyse-1.5752187> (дата обращения: 19.10.2025).

противопоставление «цивилизация / варварство». С другой стороны, появились риторика партнерства, дискурс прав человека, разведение уровня «государственная политика — население», межкультурная рефлексия. Наконец, не претерпели особых изменений мотив культурной ответственности Германии, идея «особой миссии» по защите европейских ценностей, акцент на трудолюбии и дисциплине.

В основу эмпирического материала, проанализировав который представляется возможным проследить процесс формирования этнических образов *русского* и *немца* в современном военно-политическом дискурсе Германии, легли четыре стенограммы выступлений министра обороны ФРГ на различных мероприятиях.

Риторика Бориса Писториуса концентрируется вокруг трех взаимосвязанных смысловых узлов: УГРОЗА — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — НАДЕЖНОСТЬ, при помощи которых формируются современные социальные репрезентации Германии как «щита Европы». Отталкиваясь от аксиоматической идеи внешней опасности, министр каждый раз разворачивает логику моральной обязанности и демонстрирует практическую готовность к ее исполнению, снабжая свой аргумент конкретными цифрами и эмоционально заряженными повторениями.

Отправной точкой всех речей служит номинация действий России в специальной военной операции в Украине в качестве экзистенциального вызова. В тексте первой рассматриваемой нами пресс-конференции политик заявляет: *Alle sind sich natürlich einig, dass Russland die größte Bedrohung auf absehbare Zeit für den Frieden und Sicherheit im euroatlantischen Raum.* / Все, конечно, согласны с тем, что Россия представляет собой наибольшую угрозу в обозримом будущем для мира и безопасности в евроатлантическом регионе. Лексема *Bedrohung* (угроза) задает высокий эмоциональный регистр и переводит политическую дискуссию в плоскость выживания. В дальнейшем лексемы из того же семантического поля функционируют как катализаторы различных решений.

Und für bessere und mehr Abschreckung und Verteidigung werden wir hier in Vilnius ein umfassendes Maßnahmenpaket verabschieden sowie neue Verteidigungspläne, regionale Pläne, Zuordnung von Regionen zu den Alliierten, ein Kräfteplan. / А для усиления сдерживания и обороны мы примем здесь, в Вильнюсе, комплексный пакет мер, а также новые оборонные планы, региональные планы, распределение регионов между союзниками, план размещения сил.

Формулировка *für bessere und mehr Abschreckung und Verteidigung* (для лучшего и большего сдерживания и обороны) логически продолжает идею *Bedrohung* (угрозы).

Wenn das so weit ist, wenn der Ernstfall da ist oder zu erwarten ist, dann muss es schnell gehen, da müssen die Verlegung schnell und zuverlässig funktionieren. / Если наступит момент, когда возникнет чрезвычайная ситуация или что-то подобное в обозримом будущем, то нужно действовать быстро, переброска войск должна происходить быстро и четко.

Здесь чрезвычайной ситуации (*Ernstfall*) противопоставляется требование немедленного реагирования.

Unsere Frage ist 100 Milliarden Sondervermögens. Da sagen wir alle schon seit geraumer Zeit. / Наш вопрос касается 100 миллиардов из специального фонда. Мы все уже давно об этом говорим.

Упоминание *Sondervermögen* (*специального фонда*) — это прямое отражение расширения бюджета под воздействием внешней угрозы. Обоснование роста расходов идет в логике УГРОЗА — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — ДЕЙСТВИЕ⁷.

Сразу после описания внешней угрозы в дискурсе министра актуализируется мотив коллективной и государственной ответственности, который представляет собой трансформацию традиционной немецкой идеи *Pflicht* (*долг, обязанность*), однако переносит ее смысловой центр с индивидуального уровня на уровень государственный. В одном из парламентских выступлений Борис Писториус формулирует этот тезис предельно эмоционально и категорично: *Wir Europäer müssen erwachsen werden. Wir müssen Verantwortung übernehmen. Wir brauchen ein neues, ein gemeinsames sicherheitspolitisches Bekenntnis. / Мы, европейцы, должны повзреть. Мы должны взять на себя ответственность. Нам необходимо новое, общее осознание политики безопасности.*

Используемая метафора взросления интерпретируется им через антиномию экономического и морального приоритетов: *Damit gilt zukünftig für unsere Sicherheitsmaßnahmen ein einfacher Satz — Bedrohungslage steht vor Kassenlage. / Таким образом, в будущем для наших мер безопасности будет действовать одно простое правило. Угроза безопасности важнее состояния казны.* Тем самым дискуссия о целесообразности увеличения военных расходов репрезентируется как проявление незрелости и уклонения от ответственности за коллективную безопасность. Этическое измерение данного аргумента усиливается обращением к межпоколенческой перспективе: *Wir stehen vor einer neuen Epoche für Europa, für Deutschland, für die NATO und für die kommenden Generationen. Heute*

⁷ Boris Pistorius zum NATO-Gipfel in Vilnius am 11.07.2023. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=_s7tXgfQdI4 (дата обращения: 22.12.2025). Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

geht es eben auch und vor allem um die Sicherheit unserer Kinder und Enkel. / Мы стоим на пороге новой эпохи для Европы, для Германии, для НАТО и для будущих поколений. Сегодня речь идет, прежде всего, о безопасности наших детей и внуков. Таким образом, апелляция к преемственности поколений позволяет вписать текущие решения в контекст долгосрочного национального выживания и рационализировать необходимость военных инвестиций, нейтрализуя возможную критику со стороны оппозиции или общественности⁸.

Конкретное содержание ответственности раскрывается через позитивный образ надежности, проецируемый и на Германию, и на Украину. На брифинге в Рамштайне Писториус подчеркивает: *Die Ukraine muss jetzt noch mehr als vorher in einer Position der Stärke bleiben, um, wenn es so weit kommen sollte, verhandeln zu können und auch agieren zu können. Dazu braucht sie unsere Unterstützung und sie kann sich auf Deutschland verlassen. / Украина должна сейчас, более чем когда-либо, оставаться в сильной позиции, чтобы в случае необходимости иметь возможность вести переговоры и действовать. Для этого ей нужна наша поддержка, и она может рассчитывать на Германию.* Коллокация *sich verlassen* (положиться на) апеллирует к базовой ценности доверия и одновременно позиционирует Германию как морального кредитора⁹.

Ключевой тактический прием министра — ритмическое повторение, которое превращает технические понятия в эмоциональные сигналы. Самый показательный фрагмент звучит в его выступлении на заседании контактной группы: *Ein Punkt, der in allen Gesprächen bis jetzt besonders vorgehoben werden, ist Priorität Nummer eins: Luftverteidigung, Luftverteidigung und Luftverteidigung. / Один момент, который особо подчеркивается во всех обсуждениях до сих пор, является приоритетом номер один: противовоздушная оборона, противовоздушная оборона и противовоздушная оборона.* Трехкратный повтор лексемы *Luftverteidigung* (противовоздушная оборона) формирует ритмически подчеркнутую структуру высказывания, придающую ему характер перформативного утверждения. В результате термин утрачивает сугубо профессиональное значение и приобретает символическую функ-

⁸ Rede von Boris Pistorius (SPD) zum Finanzpaket am 18.03.2025. Электронный ресурс https://www.youtube.com/watch?v=-dKrA_em5ts (дата обращения: 22.12.2025). Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

⁹ Boris Pistorius zur Stärkung der europäischen Verteidigungspolitik. 25.11.2024. Электронный ресурс <https://www.youtube.com/watch?v=EX9X5mMEHC8> (дата обращения: 22.12.2025). Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

цию — становится вербальным маркером коллективной обороны. Такая семантическая трансформация облегчает восприятие многомиллиардных поставок вооружений как естественной необходимости.

Темпоральный вектор риторики Б. Писториуса направлен на демонстрацию проактивной позиции Германии, что закрепляет ее образ как государства, способного предвосхищать развитие событий и оперативно реагировать на вызовы. *Und vor der Lage zu sein heißt, für mich, ich möchte dann, wenn eine Entscheidung fällt, ob in einer Woche oder in zwei oder in einem Tag, in der Lage sein, auch schnell handeln zu können. / И быть готовым к ситуации для меня означает, что когда будет принято решение — будь то через неделю, через два дня или через день — я хочу быть в состоянии действовать быстро.* Выражение *vor der Lage sein* (быть в состоянии) представляет собой ключевой элемент риторической стратегии, направленной на формирование образа Германии как предусмотрительного и ответственного актора, способного не только реагировать на угрозы, но и упреждать их. В данном контексте лексема *Lage* (ситуация, положение) выступает метафорическим обозначением военно-политической действительности, а предлог *vor* (перед) придает конструкции пространственное измерение упреждения¹⁰.

В результате складывается устойчивая система представлений, в рамках которой министр обороны ФРГ Б. Писториус конструирует образ Германии как морально зрелого, ответственного и надежного лидера европейской безопасности, образ России как источник постоянной угрозы, образ Украины как объект защиты и морального долга. За счет повторяющихся лексем угрозы, ответственности и надежности формируются устойчивые смыслы, которые задают современную репрезентацию данных стран и их обществ.

Эта структура продолжает историческую трансформацию этнических образов *немца* и *русского* в сознании немецкого социума. Так, если в первой половине XX в. германская идентичность конструировалась через оппозицию «цивилизованного немца» и «варварского восточного соседа», то современный дискурс, представленный речами Б. Писториуса, демонстрирует переосмысление этой бинарности.

¹⁰ Statement: Verteidigungsminister Boris Pistorius beim Treffen der Ukraine-Kontaktgruppe in Ramstein. Электронный пецурп <https://www.youtube.com/watch?v=MfS7dObm0Q> (дата обращения: 22.12.2025). Заблокирован на территории Российской Федерации с 2024 г.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить специфику формирования и изменения социальных репрезентаций образов *России* и *Германии* в немецкоязычном медиапространстве и официальном военно-политическом дискурсе. Показано, что этнические образы тесно связаны с ценностными ориентирами общества и отражают изменения политического контекста.

На примерах, взятых из газетных текстов различных периодов, прослеживается динамика: от противопоставления в логике «варварский Восток — защищающая цивилизация Германия» к более гибкому и многослойному восприятию России как политического актора, отделенного от населения, и к представлению Германии как партнера и посредника в европейской интеграции. При этом отдельные элементы ценностной самоидентификации — мотив ответственности за безопасность Европы, подчеркнутая дисциплинированность и надежность — сохраняют устойчивость на протяжении долгого времени.

Современный военно-политический дискурс, представленный публичными выступлениями министра обороны ФРГ Б. Писториуса, демонстрирует дальнейшую трансформацию этих смысловых структур. В нем образ России закрепляется преимущественно через призму угрозы и стратегической неопределенности, Украина — как партнер, нуждающийся в поддержке, а Германия — как субъект, несущий ответственность за коллективную безопасность. Повтор ключевых лексем, таких как *угроза*, *ответственность*, *надежность*, структурирование аргументации через идею «быть на шаг впереди» и апелляции к будущим поколениям формируют устойчивый нарратив о ведущей роли Германии в обеспечении европейской стабильности.

Таким образом, результаты исследования позволяют заключить, что система ценностей играет важную роль в конструировании этнических образов и их общественном восприятии, а социальные репрезентации являются динамичным механизмом их трансляции и переосмысления. Представленный анализ показывает, что в условиях изменяющейся международной обстановки этнические образы становятся инструментом политической коммуникации, отражая актуальные стратегии самоопределения государства и задавая рамки общественной интерпретации происходящих событий.

Вместе с тем полученные результаты не исчерпывают всех аспектов заявленной темы. Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении корпуса анализируемых источников военного дискурса. Кроме того, важно также проследить, как внешнеполитические

события и изменения в немецком обществе могут корректировать уже сложившиеся образы *русского* и *немца*. Дополнительный интерес представляет сопоставление немецких репрезентаций с аналогичными процессами в других западных странах, что позволит глубже понять общие и специфические механизмы конструирования этнических образов в современном военно-политическом контексте.

Библиографический список

- Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс. М.: ФЛИНТА, 2013. 232 с.
- Бирюкова Е.А. О значении понятия «культура» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12–4. С. 131–134.
- Бочкарев А.И. Фундаментальные основы этногенеза : уч. пособие. М.: ФЛИНТА: МПСИ, 2015. 464 с.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: URSS, 2020. 438 с.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2012. 495 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
- Князева Е.Н. Визуальные образы на службе когнитивной науки // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1. С. 58–75.
- Кожемякина В.А. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко; авт.: В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова, О.С. Парфенова, Ю.В. Трушкова; при участии А.Н. Биткеевой, М.А. Горячевой. М.: Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, 2006. 312 с.
- Лукьянова Н.А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 169–186.
- Мальцева Е.А. Художественный образ как результат отражения и конструирования реальности // Обсерватория культуры. 2020. № 17 (1). С. 16–25.
- Мальцева Е.А. Художественный образ как форма познания // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. Вып. 4 (32). Т. 2. С. 48–57.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2018. 224 с.
- Никитина Л.Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 97–99.
- Скуднова Т.Д., Личман И.Д. Аксиологическая компонента социальной деятельности как фактор позитивной трансформации общества // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2019. № 1. С. 299–304.

Степанов С.С., Шляховой Д.А. Прагматический аспект социальной репрезентации в военном дискурсе: стратегии воздействия и манипуляции // Военно-филологический журнал. 2025. № 3. С. 116–131.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 215 с.

Тэшфел А. Интеграция теории социальной идентичности // Психология групп и межгрупповых отношений. Казань: Канон+, 2012. С. 117–145.

Шайхиева Ш.М. Аксиология языка: проблемы и перспективы. Махачкала: Академпресс, 2017. 256 с.

Ягодина И.Д. Этнокультурный компонент репрезентации образа женщины в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2022. № 4. С. 36–45.

Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations: Explorations in social psychology. S. Moscovici / Ed. by G. Duveen. New York: New York University Press, 2000. P. 18–77.

Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 400 p.

References

Alefirenko N.F., Golovaneva M.A., Ozerova E.G., Chumak Zhun I.I. Text and discourse: a study guide for master's students, Moscow, 2013, 232 pp. (In Russian).

Biryukova E.A. On the meaning of the concept of “culture”. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = Current Issues of Humanities and Natural Sciences, 2016, no. 12–4, pp. 131–134. (In Russian).

Bochkarev A.I. Fundamental foundations of ethnogenesis: a study guide, Moscow, 2015, 464 pp. (In Russian).

Bromley Yu.V. Essays on the theory of ethnos, Moscow, 2020, 438 pp. (In Russian).

Gumilev L.N. Ethnogenesis and the earth's biosphere, Moscow, 2012, 495 pp. (In Russian).

Karaulov Yu.N. The Russian language and the linguistic personality, Moscow, 2010, 264 pp. (In Russian).

Knyazeva E.N. Visual images in the service of cognitive science. *Praksema. Problemy vizualnoy semiotiki* = Praxeme. Issues of Visual Semiotics, 2020, no. 1, pp. 58–75. (In Russian).

Kozhemyakina V.A. Dictionary of sociolinguistic terms. Ed. by V. Yu. Mikhailchenko. *Nauchno-issledovatel'skiy tsentr po natsionalno-yazykovym otnosheniyam* = Research center for national language relations, Moscow, 2006, 312 pp. (In Russian).

Lukyanova N.A. Cognitive sources of figurative words. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* = Siberian Journal of Philology, 2003, no. 3–4, pp. 169–186. (In Russian).

Maltseva E.A. The artistic image as a form of cognition. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* = Humanities Bulletin of TSPU named after L.N. Tolstoy, 2019, iss. 4 (32), vol. 2, pp. 48–57. (In Russian).

Maltseva E.A. The artistic image as a result of reflection and construction of reality. *Observatoriya kulturey* = Observatory of Culture, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 16–25. (In Russian).

Maslova V.A. *Linguoculturology*. Moscow, 2018, 224 pp. (In Russian).

Moscovici S. The phenomenon of social representations / Social representations: Explorations in social psychology, ed. by G. Duveen, New York, New York University Press, 2000, pp. 18–77.

Nikitina L.B. The linguistic image-concept: on the nature of a complex term. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2011, no. 24 (239), pp. 97–99. (In Russian).

Shaykhieva Sh.M. *Axiology of language: problems and prospects*. Makhachkala, Akadempress, 2017. 256 pp. (In Russian).

Skudnova T.D., Lichman I.D. The axiological component of social activity as a factor in the positive transformation of society. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova* = Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov, 2019, no. 1, pp. 299–304. (In Russian).

Stepanov S.S., Shliakhovoi D.A. Pragmatic aspect of social representation in military discourse: strategies of influence and manipulation. *Voennofilologicheskiy zhurnal* = Military-Philological Journal, 2025, no. 3, pp. 116–131. (In Russian).

Tajfel H. Integrating social identity theory. *Psikhologiya grupp i mezhrupponykh otnosheniy* = Psychology of Group and Intergroup Relations. Kazan, Kanon+, 2012, pp. 117–145. (In Russian).

Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*, Cambridge, 1982, 400 p.

Teliya V.N. *Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguoculturological aspects*. Moscow, 1996. 215 pp. (In Russian).